

*Н. В. Эйльбарт**

**ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ
В ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — НАЧАЛА XX В.**

На основании анализа произведений польских историков, поэтов и прозаиков делается попытка обозначить отношение к личности и правлению Ивана Грозного в польском обществе в эпоху, последующую за разделами Речи Посполитой и продлившуюся до обретения этой страной независимости в 1918 году. Репрезентативная выборка как научно-популярной, так и художественной литературы показывает, что взгляды польской научной и творческой интеллигенции на данную проблему не была однозначной, а идея самодержавия, тирании и абсолютизма находила своих сторонников и в общества с традициями «шляхетской демократии».

Ключевые слова: Иван Грозный, польская литература, тирания, русские романы на польском языке, Ю. Словацкий, А. К. Толстой.

Eylbart N. V.

TSAR IVAN THE TERRIBLE

IN POLISH-LANGUAGE LITERATURE OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

Based on the analysis of the works of Polish historians, poets and prose writers, an attempt is made to define the attitude towards the personality and rule of Ivan the Terrible in Polish society in the era that followed the divisions of the Polish-Lithuanian Commonwealth and lasted until Poland gained independence in 1918. A representative sample of both popular science and fiction shows that the views of the Polish scientific and creative intelligentsia on this problem were not unambiguous, and the idea of autocracy, tyranny and absolutism found its supporters in society with the traditions of «gentry democracy».

Keywords: Ivan the Terrible, Polish literature, tyranny, Russian novels in Polish, Yu. Slovatsky, A. K. Tolstoy.

* Эйльбарт Наталия Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до нач. XIX в. института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена. eylbart@mail.ru

Личность Ивана Грозного и сам образ его правления, являвшиеся в глазах европейцев своего рода квинтэссенцией всех самых ужасных пороков, присущих абсолютной власти, тем не менее, были для них настолько интересны, что книги о царе писались и успешно продавались на Западе еще при жизни самого государя [4]. В XIX веке, когда российской самодержавие полностью сохраняло свои позиции, несмотря на революционное движение как вне, так и внутри страны, Грозный стал ассоциироваться вероятно с самой идеей и институтом самодержавной власти, понять который можно было только изучив опыт правления первого русского царя. Кроме того, безропотное подчинение народа своим правителям стало поводом для дополнительной историко-философской рефлексии на тему «загадочной русской души», которая порой тем более любила своего царя, чем больше издевательств и притеснений от него получала. Польская литература не осталась в этом смысле в стороне: на протяжении обозначенного хронологического периода во всех трех частях разделенной Речи Посполитой издавалась литература, как художественная, так и научно-популярная, как полностью, так и частично затрагивающая данные вопросы. Более того, в прусской и австрийской частях Польши подобные книги выходили ничуть не реже, чем в Царстве Польском, причем среди них были и переводы на польский язык трудов российских историков и литераторов. Для более упорядоченного изложения материала мы разделили всю эту массу книг на три части: 1) произведения польских поэтов и прозаиков, 2) научно-популярная литература польских авторов, 3) произведения российских писателей, опубликованные на польском языке с комментариями польских переводчиков или издателей. Не претендуя на составление всеобъемлющего списка этих работ, мы выборочно анализируем некоторые из них, придерживаясь принципа репрезентативной выборки.

Начнем с характеристики произведений польских поэтов и прозаиков и рассмотрим творения Ю. Словацкого, Ю. Крашевского, Я. Огинского-Контрымовича. Согласно исследованиям современных польских филологов, поэт Юлиуш Словацкий неоднократно обращался к теме абсолютной власти и весьма внимательно и подробно изучал «Историю государства российского» Н. М. Карамзина [17]. Он искал в тирании особый исторический смысл, гегелевский «абсолютный дух», без которого невозможна историческая справедливость. Эти идеи Словацкого отразились в двух его произведениях: драме «Balladyna» («Балладина», 1834) и поэмы «Król — Duch» («Король-дух», 1847) [3]. В «Короле-духе» он наделяет короля-тирана Попеля чертами Ивана Грозного: правитель мучит народ, который, однако же, любит его «за силу и за страх», слагает о нем песни и преклоняет колени как перед «десницей Божьей», которой Бог и поверяет карать грешников и изменников [3]. Таким образом, тирания «возвышает души», и сам народ не властен над своими тиранами, злодеяниям которых может положить конец только Всевышний (в случае Попеля Бог сжигает его заживо). Подобные черты тирании, но уже в женском обличье, присущи главной героине драмы «Балладина», идущей к трону путем многочисленных преступлений, которые в свою очередь очищают души ее жертв. Вероятно, прототипом здесь стала Марина Мнишек: личность ее живо интересовала Словацкого, а исследователи его творчества

склонны полагать, что именно она олицетворяла символ «тирании порока» в «Балладине».

Поистине мастер исторического романа Юзеф Крашевский, автор почти 600 романов и повестей, лишь фрагментарно обращался к характеристике Грозного, вполне в русле прежней традиции подчеркивая его всеобъемлющую жестокость и мстительность. В романе «Инфанта (Анна Ягеллонка)» он вкладывает в уста умирающего короля Сигизмунда Августа следующие слова, касающиеся судьбы его сестер: «Литва стоит за царя из страха. Он тиран. Катерина цепенела от страха, чтобы ее не выдали за царя из страха. Не отдавайте ему Анну, бедную Анну. Он убьет ее» [6]. Данный роман издавался неоднократно, и приведенный выше отрывок процитирован нами по «краковскому» изданию 1884 года [6], в то время как подверженное цензуре «варшавское» издание 1905 года не преминуло его удалить [7].

Поляки в американской эмиграции живо интересовались событиями на родине, а посему исторические произведения о прошлой славе польского оружия были актуальны и продаваемы. Литератор-эмигрант Ян Огинский-Контрымович специально для «Чикагского ежедневника» — старейшей в США газете на польском языке и печатного органа Польского национального альянса, написал исторический роман «В лучах славы», изданный затем в Чикаго в 1909 году отдельной книгой. В центре романа — семья великого коронного гетмана Николая Мелецкого и война Московского государства и Речи Посполитой за Лифляндию. Вслед за популярным тогда в польской историографии тезисом о том, что хитрость и интриги Ивана Васильевича, его лживые обещания папскому нунцию А. Поссевино фактически способствовали проигрышу Речи Посполитой в войне [10], Я. Огинский-Контрымович подчеркивал, как азиатская вероломность Грозного «выбила из рук Батория меч справедливости» [11, с. 102]. Отдавая должное политической ловкости царя, автор, однако, подчеркивает и его трусость, свойственную восточному деспоту: «Непроходимые леса без дорог, топи, болота, это были нешуточные преграды, ими отгородился князь московский от цивилизованного мира и считал, что их нельзя преодолеть армии с пушками и обозами» [11, с. 105]. Таким образом, данное произведение рисует нам образ Грозного, качествами, необходимыми для политика, превосходящим своих оппонентов.

Вторая выделенная нами группа произведений: научно – популярная историческая литература, которая нередко не принадлежала перу профессиональных историков. Здесь мы выбрали троих авторов, творивших в разных частях разделенной Польши: А. Краусгар (российская часть), В. Собеский (австрийская часть) и А. Мосбах (прусская часть). В Царстве Польском, на наш взгляд по цензурным соображениям, реже, чем в остальных частях бывшей Речи Посполитой касались личности Грозного. Например, Александр Краусгар, варшавский юрист, историк и литератор, написавший большое количество популярных исторических трудов, лишь коротко в нескольких словах упоминал о личности царя, обозначая его правление как «тираническое» [8]. В австрийской части Польши, несмотря на антироссийские настроения, тем не менее отмечался интерес интеллигенции к русской истории. Например, знаменитый художник Ян Матейко по свидетельству его секретаря Мариана

Гожковского ознакомился с историческим трудом Н. М. Карамзина, что вдохновило его написание известной картины «Иван Грозный в Кремле», где изображена мрачная и гротескная до безумия сцена, предшествующая казни некогда близкого к царю воеводы М. Я. Морозова-Поплевина [13].

В связи с тематикой настоящей статьи хотелось бы упомянуть уроженца Львова, выпускника Ягеллонского университета в Кракове историка Вацлава Собеского. В книге «Исторические зарисовки» он подобно Матейко обращается к психологическому облику Грозного, сравнивая его с «добросердечным Сигизмундом Августом», а также подобно Ю. Словацкому задается вопросом о том, как мог русский народ полюбить мучителя и тирана. Эти мысли он излагает следующим образом: «Нет ничего удивительного в том, что под влиянием такого разного воспитания вырос с одной стороны государь столь чувствительный и добросердечный, как Август, а в Кремле жестокий и безжалостный Иван, тот Иван, который едва достигнув 13 лет, приказывает тем самым псарям убить боярина Шуйского и этим поступком начинает многолетнюю кровавую тиранию... Сама Москва воспитала и сделала его таким, потому что сама привыкла к тяжелым ударам татарского бича, да так, что уже просто не могла представить себе тип и идеал настоящего правителя, который не был бы безжалостен, тверд, суров и неумолим. Для русского народа идеалом власти стал именно такой царь, каким являлся Иван Грозный, тот царь, который распространял вокруг себя немой страх и ужас, царь, который приказывал чтить себя как самого Бога и умел без малейших угрызений совести складывать горы людских трупов на алтаре отечества! Если для тогдашнего русского общества (как мы видим из книги обычаев «Домострой») идеалом главы семейства являлся такой грозный отец, который может хорошо отстегать плетью как свою жену, так и детей, то очевидно, что идеалом правителя для такого народа стал эдакий царь-палач, который умел грозить людям и даже карать их тем прославленным посохом, заканчивающимся острием — словом, такой царь, от самого вида коего кровь стыла бы в жилах. Иван тоже знал свой народ и поэтому позднее объяснял польскому королю (Стефану), что потому именно приказывает страже своей держать перед троном на плечах обнаженные топоры, чтобы от него шла, как он говорил, «гроза». Он чувствовал, что люди эти будут благодарить его за эту «грозу»» [12]. В. Собеский на наш взгляд в данном случае экстраполировал историко-психологический образ грозненской эпохи на современное ему русское самодержавие, которое изменив форму, не вполне распрощалось со средневековой сутью.

Выпускник Вроцлавского университета, историк Артур Мосбах — единственный в числе включенных в нашу выборку авторов, кто посвятил Ивану Грозному отдельное, хотя и не объемное исследование [9]. По сути, оно представляло собой популяризованную компиляцию российских авторов (например, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, А. П. Голицына), а также некоторых фрагментов из «Полного собрания русских летописей», особо подчеркивая сластолюбие и развратность царя, сравнивая его женщин с обитательницами сераля. Поверхностно-ознакомительное с точки зрения фактологической составляющей, оно, тем не менее, содержит концепцию, «осовременивающую» в глазах читателей описываемые события. Будучи сам свидетелем существо-

вания Польши в составе трех государств и видящий угрозу для нее в союзе русских и немцев, А. Мосбах следующим образом рисует корни этого «зла», зародившиеся еще в грозненскую эпоху: «С другой стороны, Иван старался познакомить свое суровое и дикое государство хотя бы с верхушкой западно-европейской цивилизации, прежде всего с немецкой, этого извечного рая избобилия носителей света, легко привыкающих к условиям нового места жительства: он приглашал к себе художников, ремесленников, строителей, врачей, пушкарей и т. д. И полюбил царь Иван немецких пришельцев, умных, неторопливых, услужливых, гибких, гнущихся в униженном челобитье; таких людей как Каспер Эверфельдт, Адриан Кальба, Ульрих Краузе и Ян Таубе он так глубоко уважал, что даже приговорил митрополита к уплате 60000 рублей за то, что преследовал немца за веру. Похоже, выдающийся, любознательный, хитрый Иван любил разговаривать о церковных делах с учеными немцами, надеющимися, что москвитянин, пропитанный насквозь церковностью, перейдет в их веру. Иван...оказал славную услугу своей любимой Москве, хоть и неотесанной, но обучаемой, крепкой и трудолюбивой. Оттуда немецкий элемент, вначале незначительный, в последующем буйно разросся, а именно во времена «великого преобразователя» Петра I, а после него, распространяясь, проник во все тайны и отношения ужасной Москвы, преобразовал весь светский строй российского государства, и даже мощно влиял на душу русского языка, сильно примешивая к нему неславянский налет. ... Поэтому можно смело сказать, что без немецкого трудолюбия, науки, хитрости неловкая, но сильная и умная Москва, сама, наконец, перехитренная мудрым Германом, не преобразовалась бы в грозную, недремлющую, предприимчивую Россию» [9, с. 35–36]. Таким образом, и во внутренней политике Петра Великого А. Мосбах увидел наследие Грозного и считал последнего вдохновителем петровских реформ.

Наконец, третья, последняя, выделенная нами группа литературы об Иване Грозном включает в себя художественные произведения российских писателей, переведенные на польский язык. В данной связи назовем двух самых популярных авторов: Н. И. Костомарова и А. К. Толстого. Научные исторические труды Костомарова были широко известны, а его критический взгляд на Грозного должен был импонировать значительной части польского общества [1]. Вероятно, имел успех и переведенный на польский язык его роман «Кудеяр», вышедший в трех томах в Варшаве в 1913 году [5]. Однако настоящими бестселлерами русской литературы становятся произведения А. К. Толстого, опубликованные в польском переводе также во всех трех частях разделенной Польши. В этих книгах для нас представляют интерес предисловия, написанные переводчиками или издателями для читателей, именно в них мы видим отношение их самих к поднимаемым А. К. Толстым проблемам. Знаменитый роман «Князь Серебряный» издавался в Познани и в Варшаве, в 1888 и 1898 годах соответственно. Переводчик «познанского» издания, писатель Владислав Грайнерт, к сожалению, не снабдил свой перевод предисловием [15], в то время как «варшавское» издание в переводе Ю. Працкого содержит в себе вступительную статью Юлиана Свентицкого. В ней Свентицкий коротко представляет наиболее ярких персонажей как «Князя Серебряного», так и драмы-трилогии в стихах А. К. Толстого: «Смерть Ивана Грозного», «Царь Федор» и «Царь

Борис». Образ Ивана Васильевича видится ему «демоническим», но в то же время и трагическим: «Автор представляет кровожадность последних лет Ивана и его трагический конец... Вспыльчивость, жестокость, подозрительность, перепады настроения под влиянием угрызений совести от сатанинской гордости до вздорной трусости, отсутствие всяческого чувства морали, всякого понятия о справедливости, фальшь, напускное демонстративное благочестие и отсутствие и тени милосердия, даже для собственных детей, — вот главные черты героя этой трагедии» [16, s. 9–10]. Важность, которую представляло собой произведение русского писателя, чей взгляд на Ивана Васильевича и его эпоху максимально был приближен к европейскому, подчеркнута в предисловии к «перемышльскому» изданию трагедии А. К. Толстого «Смерть Ивана Грозного» (1884 год). Его автор Адам Качуба отмечал: ««Смерть Ивана Грозного» графа А. К. Толстого в российской драматической литературе является шедевром, которого не постыдился бы ни один народ... Как властитель, или как муж, или как отец семейства самодержец и тиран представлен столь психологически правдиво, с таким глубоким знанием человеческого естества, что автору удалось проникнуть и отгадать натуру северного Нерона, а это мог сделать только человек, рожденный и воспитанный в государстве тиранов и самодержцев» [14, s. 3–4]. Таким образом, становится понятна популярность российских художественных произведений о Грозном и его времени среди польской читающей публики: в них они надеялись найти ответы на ментально-психологические истоки самодержавия от самих носителей этого «генетического кода», от представителей народа по сути создавшего царизм.

Подводя итоги настоящего короткого исследования хочется отметить, что, несмотря на определенные стереотипы о Грозном и России, бытующие в Европе и в частности в Польше, взгляды на личность и правление Ивана Васильевича в рассмотренных группах литературы далеко не однозначны. Ряд историков и писателей, как, например, Ю. Крашевский, А. Качуба или Ю. Свентицкий однозначны в своей критике и моральном всестороннем осуждении царя, однако, например, В. Собеский или Я. Огиньский-Контрымович видят в нем и определенные политические достоинства. А. Мосбах вообще выдвигает практически концепцию «просвещенного тирана», что же касается Ю. Словацкого, то поэт не мыслит справедливости и очищения общества без тирании. Таким образом, мы констатируем, что польская литература нередко выступала и в качестве «адвоката» царя Ивана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. — СПб., 1888. — С. 450–514.
2. Крышчук М. Расставание со шляхетской традицией в «Короле-Духе» Ю. Словацкого // Юлиуш Словацкий и Россия. — М.: Индрик, 2011. — С. 143–152.
3. Словацкий Ю. Три драмы. Балладина. Лилля Венеда. Гелион-Эолион. — М., 1911. — С. 1–238.

4. Эйльбарт Н. В. Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572–1574) // Genesis: исторические исследования. — 2020. — № 3. — С. 93–103.
5. Kostomarov N. J. Kudejar. T. 1–3. — Warszawa, 1913.
6. Kraszewski J. Infantka (Anna Jagiellonka). T.1. — Kraków, 1884. — S. 158.
7. Kraszewski J. Infantka (Anna Jagiellonka). T.1. — Warszawa, 1905. — S. 106.
8. Kraushar A. Obrazy i wizerunki historyczne. — Warszawa, 1906. — S. 338.
9. Mosbach A. Car Iwan IV. Wasilewicz Groźny. Obrazek historyczny. — Wrocław, 1882.
10. Niedzielski K. Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty (1579–1581): karta z dziejów ojczyźtych. — Warszawa, 1916.
11. Ogiński-Kontrymowicz J. W promieniach Sławy. Powieść historyczna c XVI wieku. — Chicago, 1909.
12. Sobieski W. Car a król // Studia historyczne. — Lwów, 1912. — S.5–7.
13. Świątek A. «Lach serdeczny». Jan Matejko a Rusini. — Kraków, 2013. — S. 14, 28.
14. Tolstoj A. K. Śmierć Iwana Groźnego. — Przemyśl, 1884.
15. Tolstoj A. K. Książę Srebrny. — Poznań, 1888.
16. Tolstoj A. K. Książę Srebrny. T. 1. — Warszawa, 1898. — S. 9–12.
17. Troszyński M. Książę Michał Twerski. Rosyjski awatar Juliusza Słowackiego // Rocznik Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza. — Rok IX (LI), 2016. — S. 51–52.